

Сандомирский Герман Борисович

**Мои встречи:
Воспоминания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г38

Г38 **Герман Борисович С.**
Мои встречи: Воспоминания / Сандомирский Герман Борисович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 53 с.

ISBN 978-5-519-84666-0

ISBN 978-5-519-84666-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НОЧЬ НА ПРУТЕ

(Из революционных скитаний)

... Это было на заре моей юности, когда я только примкнул к революционному движению. В эмигрантских кругах Женевы меня уже «заметили». Я выступал несколько раз на собраниях,—не только русских эмигрантов, но и швейцарских рабочих,—следовательно, меня заметила и швейцарская полиция и, по всей вероятности, русские охранники, наводнявшие в то время Женеву в несметном количестве. Увы, я сообразил все это только тогда, когда мне нужно было ехать обратно в Россию. Друзья и старшие товарищи, к которым я обратился за советом, нашли, что я уже порядком скомпрометирован, и что, по всей вероятности, я числюсь в списке подозрительных лиц, хранящемся у жандармов на каждой русской границе. Только один Бурцев, который в то время не только не был оголтелым монархистом и черносотенцем, спустя двадцать лет облившим меня помоями в своем белогвардейском «Общем Деле», а честно шагал с нами ежедневно в знаменитую женевскую «Народную кухню», где мы теплой шумной компа-

нией обедали за сорок, а то и за двадцать пять сантимов* каждый,—категорически высказался против моего перехода на нелегальное положение:

— Ну, посекут малость, посадят на год в острог,—подумаешь, какая беда! А то каждый безусый юнец туда же спешит заделаться нелегальным. Не в том дело, что на всю жизнь станешь эмигрантом, а, ведь, эта скороспелая эмигрантщина и нелегалщина — большой урон для революции. Ведь, нелегальный человек не делает для революции в России и десятой доли того, что может сделать легальный...

Я послушал старого ворчуна. Бурцева тогда все любили и уважали, хотя и в то время его политическое миросозерцание (помесь свирепого терроризма с узколиберальной программой) было довольно странным и путанным и почти не находило себе последователей. Когда женевская полиция, в то время бывшая на побегушках у русского царизма, посадила его «за призыв к цареубийству» в Сант-Антуанскую тюрьму, мы все очень горевали в разлуке с ним.

Поворчав, Львович (так звали его в Женеве) сказал:

— Если слушаете меня, я укажу вам такую границу, через которую, может быть, и проскочите беспрепятственно. Конечно, никаких гарантий с моей стороны! Готовьтесь посидеть в крепости год или два.

Я помню, что это напутствие Львовича преисполнило мое юное сердце на девять десятых гордостью (я мысленно уже твердой и гордой поступью входил в ворота Пе-

* 9—15 копеек.

тропавловки) и на одну десятую... страхом. Но одна десятая была побеждена остальными девятью, и я очень скоро собрался в путь, искренно оплакиваемый группой девиц, с которыми я и несколько таких же недозрелых «эмигрантов» проводили великолепные вечера на выступе памятного женевского маяка. Юные же товарищи-мужчины, само собой разумеется, только завидовали моим предстоящим «подвигам».

* * *

Мне известен был только основной маршрут моего путешествия: я должен был ехать через Будапешт в Румынию, а оттуда перебраться—через Галац—в Кишинев—и дальше. Готовясь ко всяким испытаниям,—ибо никто из товарищей никогда этой дорогой не ездил и потому не мог мне дать дельных советов,—я, конечно, взял с собой очень немного вещей. В руках у меня был небольшой дешевенький чемоданчик, в нем болталось несколько номеров «Журнала для всех» (более правого в тогдашней Женеве найти нельзя было), кое-что из одежды и—для придания мне более буржуазного вида—крахмальная манишка с воротничком; наконец, несколько фаянсовых трубок, купленных в маленькой лавке на Каруж*, в подарок российским друзьям. Одной из них—опять-таки для придания важности—я сам пользовался в пути. Это, конечно, не беда, что у меня было мало багажа, хотя и об этом пришлось впоследствии пожалеть, но хуже всего было то, что у меня с собой

* Торговая улица в Женеве.

было очень мало денег. Не то я ошибся в расчетах, не зная точно маршрута, не то не мог больше достать; во всяком случае, уже в Будапеште, где меня больше всего поразили своими разноцветными султанами венгерские жандармы, удивительно напоминающие даже не настоящих, а специально раскрашенных петухов, я почувствовал, что сяду на мель. В Будапеште, в румынском консульстве, где я должен был получить транзитную визу, меня встретили весьма неприветливо и неожиданно содрали за визу гораздо больше, чем я предполагал. Это было настолько серьезной брешью в моем тощем кармане, что, сходя по лестнице консульства, я не мог ума приложить, как в дальнейшем сведу концы с концами. Но, ведь, мне было всего двадцать лет, а в такие годы скверное настроение держится недолго. Я считаю одним из волшебных свойств здоровой юности—умение придать каждой невзгоде комический характер. Я завидую тем, кто умеет сохранить это чудесное качество, по крайней мере, до первой седины в висках.

* * *

Это случилось в Темешваре, куда нас поезд домчал по дороге, с обеих сторон усаженной развесистой акацией. Стояли первые дни мая. Мне не нужно рассказывать вам, какой приторно-сладкий запах в эту пору издает акация, и как он кружит двадцатилетнюю беззаботную головушку, высунувшуюся в окно вагона. Кто не слышал этого запаха ни в Венгрии, ни в Румынии, ни на нашем юге, тот, все равно, никогда не почувствует его по-настоящему!

Окружающие красоты так захватили меня, что я забыл совершенно не только о своих невзгодах, но и даже о цели моего путешествия. Но, конечно, огорчения подстерегают нас на каждом шагу,—даже тогда, когда нам двадцать лет, и когда аромат акации так дурманит нашу голову, что может вытеснить всякое представление о грязной пограничной каталажке.

В вагоне нашем было очень мало народа. В одном углу его сидела молодая девушка, так плотно укутавшаяся в какую-то разноцветную шаль, несмотря на стоявшую теплую погоду, что с трудом можно было различить ее красивый профиль. Гораздо легче было различить ее глаза. Нет, это слово не подходит: эти глаза сами находили вас и воспламеняли вашу душу. Когда она случайно взглянула в мою сторону, мне показалось, что она пригвоздила меня своим взглядом к стене вагона. Ах, как я жалел в то время, что хоть одна сотая доля моего неиссякаемого революционного мужества не может превратиться в предприимчивость другого рода. Увы, я не посмел послать ей ответного взгляда, хотя пронес воспоминание об этих глазах до того самого времени, когда познакомился с балканскими новеллами Истрати. Да, я думаю, что незнакомка была гораздо больше похожа на Неранцулу*, чем на Киру Киралину*. Она была совсем маленьким подростком-девочкой, и великолепие ее разноцветной восточной шали было прозрачным, каким, вероятно, может похвастать скорее шаль водоноски, чем дочери богача. Заговорить с ней? Но на

* Неранцула и Кира-Киралина—героини повестей Истрати.

каком языке? О чем? Покуда я размышлял над этими вопросами, она, вдруг, встала и вышла на каком-то крохотном полустанке. Сердце заняло глубокой тоской, и мне показалось, что аромат придорожной акации унес с собой в далекую степь Неранцулу (в конце концов, может быть, это была она!).

...Разговорился я как-то с обрюзглым толстым купцом, сидевшим на противоположной скамье. Это был немец, весьма довольный самим собой, своими делами, своей семьей и, должно быть, всем существующим. В начале я не внушал ему большого доверия. Этому содействовали мой чужеземный вид и слишком легковесный миниатюрный чемоданчик. Но, когда я ему рассказал, что кончил ученье и спешу в объятия своего отца, которого я очень люблю, немец расчувствовался и рассказал мне, что души не чает в своем сыне, которого он ни за что не согласился бы отпустить на чужбину. Затем, немец полез под скамью, извлек оттуда саквояж и, вынув из него кусочек мыла, не без гордости сказал мне, что это—его собственное изобретение и что при помощи этого мыла белье стирается в холодной воде с такой же экономией, как и в горячей. Я с благодарностью взял мыло и тут же подумал, что, вероятно, мне придется испытать его хваленое качество когда-нибудь на деле. Я не предполагал, что это случится так скоро.

На какой-то станции, после Темешвара, кондуктор объявил нам, что наш поезд превращается в курьерский, и что вагон третьего класса он дальше не повезет. Выходов из создавшегося положения было не много: либо доплатить разницу в тарифе, либо выйти на этой же станции

и дожидаться на завтра другого, обыкновенного поезда. Конечно, я мог выбрать только второе. С другими столь же незадачливыми пассажирами 3-го класса я провел чудесную ночь близ маленького полустанка в открытом поле и на другой день двинулся дальше. Не помню теперь, как я добрался до Оршева.

У «Железных Ворот» сходились в то время границы трех государств. Я шел пешком, и блики яркого весеннего солнца отражались на дешевенькой клеенчатой крышке моего чемоданчика. Близ Оршева я натолкнулся на кавалерийский отряд, занимавшийся учением под командой щеголеватого офицера, одетого в какую-то пеструю форму. Так как кроме меня и рассыпавшихся по поляне кавалеристов никого не видно было на очень далекое расстояние, я, чтобы не показаться подозрительным, подошел к нему и попросил разрешить мне посмотреть учение. Разноцветный офицер (должно быть, это был венгерец) мое обращение к нему на немецком языке не удостоил даже ответом и только пожал плечами. Я принял это за разрешение и, усевшись неподалеку на своем чемоданчике, позавтракал куском хлеба и сыра, а сам все время думал, как бы отсюда убраться поскорее. Вскоре я очутился на берегу Дуная, где с радостью не только выкупался, но и пустил в ход подаренное мне немецким «изобретателем» мыло. Выстирав единственную пару белья, я развесил ее тут же на солнце и, в ожидании пока оно просохнет, улегся на берегу и стал писать открытки своим женевским друзьям. Как хотелось бы мне прочитать сейчас хоть одну из них... Я помню, как переливалась во мне сверкающим потоком

беспричинная радость жизни, только увеличивавшаяся от неопределенности моего положения. С какой жадностью приглядывался я к окружающей природе, к прекрасному Дунаю, к живописным людям и одежаниям, попадавшимся мне на пути.

К вечеру я добрел до какой-то небольшой пристани на Дунае, в которой грузилось пять или шесть барж... Недалеко от пристани была расположена какая-то подозрительная харчевня. Неожиданно потемнело небо, с Дуная подуло свежим холодным ветром и я, вновь пересчитав свои деньги, решил, что эту ночь нужно будет провести под кровлей. Я знал, что от этой пристани я могу добраться железной дорогой до Галаца. Еще из Темешвара, где я почувствовал всю остроту переживаемого мною финансового кризиса, я послал телеграмму своему другу в Одессу с просьбой выслать мне деньги в Галац, до востребования, по телеграфу же. Деньги на проезд до Галаца были у меня отложены, а из скромного остатка я решил истратить один франк на ночлег. Но хозяин харчевни, к которому я обратился, не зная его национальности, на удивительнейшем волапюке из славянских, немецких и французских слов, либо не понял меня, либо не поверил по моей внешности и пешему образу хождения, что у меня есть франк. Но он не выгнал меня, а флегматично указал на соседнее помещение.

Огромная комната, в которую я вошел и в которой было установлено в два ряда много больших столов, днем служила помещением для трактира; по вечерам же со столов убиралась посуда и они превращались в койки

для рабочих. Почти все столы были уже заняты грузчиками. Я выбрал один из свободных столов, забрался на него и, подложив неизменный чемоданчик под голову, через минуту заснул, как убитый. На рассвете я понял великолепно, что именно побуждает хозяина великодушно предоставлять бесплатный ночлег грузчикам, работавшим на него, или даже тем прохожим, которые имеют вид ищущих всякой работы... Я проснулся среди неимоверного шума и ругательств на разных языках. Какая-то неведомая сила точно схватила меня за шиворот и столкнула со стола. От неожиданности и царившего еще в помещении полумрака, я даже не понял сначала, где нахожусь. Затем все об'яснилось. Погрузка товаров, в которой был заинтересован хозяин трактира, начинается очень рано; чтобы не будить каждого из рабочих в отдельности, он придумал оригинальный способ: на рассвете он растворяет все двери и окна этого помещения, отчего получается невообразимый сквозняк, который в одно мгновение сдувает всех ночлежников со столов. Нельзя сказать, чтобы этот способ привел меня в особенный восторг. К сонму проклятий, раздававшихся по его адресу на всех местных диалектах, я прибавил от себя пару увесистых благословений. Я даже пытался об'ясниться с ним, напоминая, что предлагал ему вчера франк за ночлег и не понимаю, почему он поместил меня в эту дыру, но он только с презрением посмотрел на меня и ничего не ответил.

В конце концов, я решил, что хозяин прав и что этот франк гораздо лучше истратить в соседней кофейной, где чашка турецкого душистого кофе рассеяла остатки сна

и вновь примирила меня со всеми трудностями моего путешествия.

* * *

В Галаце, куда я прибыл под вечер, на вокзале меня поразили необычайный шум и сутолока. Выйдя с вокзала, я увидел длинный хвост извозчичьих пролеток, на облучках которых сидели, к великому моему удивлению, типичные русские кучера в плисовых жилетках и выглядывавших из-под них ярко-красных рубахах. Мне объяснили, что это—скопцы, убежавшие от преследования царских властей в Румынию. Они зазывали своих седоков на чисто-великорусском наречии. Впоследствии мне пришлось узнать о них много любопытного. Это были самые зажиточные люди в Галаце и Яссах. Но румынское правительство разрешило им заниматься только теми профессиями, которые не требуют наемного труда посторонних. Объяснялось это якобы их удивительными агитаторскими талантами: как только скопец примет к себе на службу приказчика или рабочего,—обязательно уговорит его перейти в свою веру. Поэтому они имели право держать у себя на службе только скопцов, которым их агитация уже повредить не может. В Галаце в то время им принадлежало много трактиров, домов и т. д.

Я никак не подозревал, что в Галаце меня ожидает столько неприятных сюрпризов. Ничего не подозревая, я заехал в какую-то маленькую гостиницу, где хозяином был серб, и занял уютный номер, в котором меня поразила низенькая тахта, заменяющая кровать. Денег